

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Я.Г. Шемякин

*д. ист. н, главный научный сотрудник,
Институт Латинской Америки РАН (Москва)*

ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНОЙ ДЕТЕРМИНАЦИИ РАЗЛИЧНЫХ СФЕР ЖИЗНИ СОЦИУМА: ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИЙ ОПЫТ В УНИВЕРСАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ (ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ)

Аннотация. Работа посвящена исследованию институционального измерения проблемы культурной детерминации различных областей социальной жизни. В центре внимания автора – латиноамериканский опыт решения этой проблемы, рассматриваемый в универсальном контексте. Раскрывается содержание понятия «детерминация» в контексте процесса смены общенаучных парадигм, определившего динамику эволюции мировой науки в последние десятилетия XX — начале XXI вв. Утверждение принципов новой, «пригожинской», парадигмы в гуманитарных и социальных науках означало признание того, что на поведение социокультурного субъекта оказывает влияние не какой-то один, определяющий в конечном счете характер социальной действительности фактор, а множество импульсов, исходящих из самых различных областей жизни социума. Подобная позиция предполагала принципиальный отказ от любого вида редукционизма и признание того, что импульсы, порождённые логикой развертывания экономики, политики, права, духовной жизни соотносятся по принципу сферы, ни один из них не является однозначно определяющим, они взаимно обуславливают друг друга. Именно эти импульсы и обозначаются термином «детерминация».

Культурная детерминация рассматривается как фактор достижения и сохранения целостности «пограничной» цивилизационной системы Латинской Америки в условиях доминанты многообразия. Целостность (на всех уровнях, включая национальный) достигается в результате действия особого механизма, в основе которого – способность субъекта социокультурного взаимодействия к повышенному (по сравнению с «классическими» цивилизациями) уровню оперирования знаковыми структурами различного происхождения и характера. Он обуславливает, в свою очередь, повышенную проницаемость внутренних и внешних границ культуры, а также определяющее значение индивидуального уровня развертывания цивилизационного процесса, прежде всего – «пространства свободы» личности.

Институциональное измерение феномена культурной детерминации рассматривается системно, через призму концепции Парсонса-Седова, в соответствии с которой выделяются четыре подсистемы в единой системе общества. Каждая из них выполняет одну из необходимых для нормального функционирования социального организма функций. Это — адаптивная функция (материальное производство, экономика); функция целеполагания или целедостижения (политическая организация); функция интеграции; «поддержания образца» (pattern maintenance) или латентная подсистема, в рамках которой генерируются и поддерживаются главные ценности, которые придают смысл существованию той или иной человеческой общности, определяют основные черты ее исторического облика. Автор дополняет эту схему, формулируя концепцию пятой подсистемы, ответственной за внедрение новаций, которую он назвал «подсистемой изменения образца».

Ключевые слова: культура, детерминация, целостность, институциональное измерение, «пограничная» цивилизация.

JEL: A12, A13, B15, B52.

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_2_92_111.

Культура в условиях «пограничья»

Предпосылкой раскрытия заявленной в заглавии темы является чёткое определение содержания тех понятий, которые вынесены в заглавие: культуры и детерминации¹.

Сначала о термине «культура». Как хорошо известно, имеется огромное количество различных его определений. Причём, как мне уже приходилось отмечать [Шемякин, 2019а, С. 34–35], среди них нет ни одного, которое можно было бы однозначно оценить как неверное. Каждое отражает какую-то одну из граней смысла, сконцентрированного в этом слове. Соответственно, необходимо определить, на какой из этих граней должно быть сфокусировано внимание в данном случае.

Заявленная тема требует выбора такого понимания термина «культура», которое отвечало бы масштабу поставленной задачи. А именно — оно должно быть максимально широким и общим, поскольку задача исследования характера воздействия культуры как некоего целого (пусть и заключающего в себе массу противоречий) на иные сферы жизни общества предполагает именно такое определение. Я основываюсь на интерпретации феномена культуры, сформулированной в трудах Э.С. Маркаряна и его последователей (см., например: [Маркарян, 1969; Маркарян, 1983]). В рамках данной интерпретации культура рассматривается как специфически человеческий способ бытия. Человек существует, проявляет себя в мире посредством деятельности, поэтому культура может быть определена так же, как свойственный *homo sapiens* способ деятельности. Деятельность же может быть рассмотрена как процесс возникновения, развертывания, разрешения и воспроизведения на новой основе противоречий человеческого существования. Каждая конкретная культура есть способ разрешения противоречий бытия той человеческой общности, воплощением которой в «мире людей» данная культура является². Культура цивилизационного уровня есть способ разрешения ключевых экзистенциальных противоречий, свойственных той или иной макрообщности. К таковым относится, по моему убеждению, и латиноамериканская культура-цивилизация.

Можно ли выделить главное противоречие латиноамериканской экзистенции, способом разрешения которого является латиноамериканская культура? Результаты исследований привели меня к выводу, что подобное противоречие должно определяться самим «пограничным» типом латиноамериканской цивилизации, основанном на парадоксальном сочетании определяющих структурообразующих принципов единства и многообразия, целостности и гетерогенности: доминанте многообразия при сохранении единства *suí generis*. Латиноамериканская культура-цивилизация — способ разрешения противоречия между тенденцией утверждения доминанты многообразия и жизненной потребностью обрести и сохранить целостность в условиях подобной доминанты. Латиноамериканская культура возникла и существует в результате реализации этой потребности и предстает в этом ракурсе как способ достижения и сохранения целостности латиноамериканской социальности и латиноамериканского человека в ситуации, когда начало многообразия довлеет над началом единства.

Данная целостность достигается в результате действия определённого социокультурного механизма (из публикаций последних лет см. [Шемякин, 2018. С. 394–395, 399–400;

¹ Данная проблематика более подробно рассматривается в главе «Культура как способ бытия Латинской Америки. Характер и формы культурной детерминации латиноамериканской действительности» в готовящейся к печати коллективной монографии «Роль культуры в формировании и эволюции национальной идентичности».

² Отмечу также, что Ш. Бёгельсдаик и Р. Маселанд, исследующие проблемы интерпретации культуры в экономической науке, дают ей определение, как «те поведенческие и умозрительные структуры, которые считаются неотъемлемыми для создаваемой идентичности сообщества», подчеркивая и то, что атрибуты культуры «неотъемлемы для идентичности какой-либо группы или общества» [Бёгельсдаик, Маселанд, 2016. С. 27, 36].

Шемякин, 2019а. С. 52–54]). В основе этого механизма лежит повышенная (по сравнению с великими «классическими» цивилизациями Востока и Запада — «субэкуменами» по терминологии Г.С. Померанца) способность к оперированию знаковыми структурами различного происхождения и характера. Достаточно вспомнить в этой связи (если ограничиться только латиноамериканскими примерами) о том, что происходило в данном регионе с католической верой, образовавшей в значительном числе случаев (главным образом в рамках «народного католицизма») причудливые формы взаимосвязи с архаическим мироматическим комплексом верований [Земсков, 2014; Кофман, 1997; Шемякин, 2001. С. 83–116, 233–272; Шемякин, 2007. С. 78–92].

Охарактеризованная способность обуславливает такую характеристику, как повышенная (опять же — как и во всех иных случаях — по сравнению с «классическими» цивилизациями) проницаемость границ культурной системы как внутренних (которые в условиях «пограничной» реальности проходят не только между людьми — носителями тех или иных традиций, но и внутри человеческих душ), так и внешних (в этом случае данное качество проявляется одновременно в повышенной способности к восприятию инокультурных заимствований при повышенной же способности к переработке этих заимствований в соответствии со спецификой местной социокультурной «почвы», к превращению «внешнего» во «внутреннее»).

Оперировать знаковыми структурами не может какая-либо организация или социальный институт. Это может сделать только конкретный живой человек. Поэтому цивилизационное «пограничье» характеризуется качественно иным по сравнению с субэкуменами соотношением индивидуального и надиндивидуального уровней цивилизационного процесса. Различие между ними относительно: во всяком человеке есть надличностный пласт — общепринятые, официально санкционированные нормы и ценности, которые в «классических» цивилизациях составляют основу единства личности.

В условиях «пограничья» этот пласт ослаблен и не может в полной мере выполнять свои интеграционные функции. В подобной ситуации ключевое значение приобретает «собственно индивидуальный» слой, также присутствующий в любом человеке, его личное «пространство свободы», свободы в интерпретации общепринятых норм и ценностей, которая в условиях кризиса культурной системы превращается в их отрицание (см., подробнее [Шемякин, 2018. С. 388–390, 395]). Свободное оперирование знаковыми структурами могло осуществляться лишь в «пространстве свободы» личности.

Как следует из изложенного выше, культурная детерминация рассматривается в данной работе как фактор достижения и сохранения целостности социокультурной системы в условиях доминанты многообразия. Тема целостности может рассматриваться как в духовно-ценностном, так и в институциональном аспектах. В данной статье объектом исследования является институциональное измерение проблемы культурной детерминации.

О понятии «детерминация» и культурной детерминации

Для того чтобы раскрыть содержание понятия «детерминация», необходимо поставить латиноамериканскую проблематику в контекст развития мировой науки. Начиная с последних десятилетий совсем недавно ставшего прошлым века динамика эволюции мировой научной мысли определяется процессом смены общенаучных парадигм. Особенно ярко и убедительно этот процесс описан в работах И. Пригожина, его последователей и единомышленников. Напомню, что, согласно И. Пригожину и Э. Тоффлеру, старая парадигма была воплощена в «ньютонической» науке XVII–XIX вв. Ее определяли такие ключевые характеристики, как: запрограммированность развития условиями, которые определены изначально; механистическая картина мира; исключение из этой картины фак-

тора случайности и вытекающее из всех этих характеристик отрицание альтернативности и многовариантности истории человечества.

Для новой парадигмы, основные принципы которой были определены Пригожиным, типичны: совершенно иной взгляд на понятие причинности, включающий признание очень важной роли фактора случайности; отказ (в большинстве случаев) от идеи однозначной запрограммированности развития изначально заданными условиями; утверждение картины мира с представлением об альтернативности и многовариантности развития подавляющего большинства систем Вселенной, включая и человеческие общества, в качестве необходимого компонента (концепция «точки бифуркации»: [Пригожин, Стенгерс, 1986. С. 14–16, 28–29, 226–227, 269]).

«Пригожинская» парадигма основывается на общенаучном принципе дополнительности, впервые сформулированном Н. Бором, в соответствии с которым ни одна теория не может дать столь исчерпывающее объяснение объекту исследования, чтобы исключить возможность иных, в том числе альтернативных подходов [Бор, 1959. С. 42].

Реализация принципов «пригожинской» парадигмы в гуманитарной сфере означает признание того, что импульсы, порождённые логикой развёртывания различных сторон социальной жизни (экономики, политики, права, духовной культуры) соотносятся по принципу сферы, ни один не является однозначно определяющим, они взаимно обуславливают друг друга. Именно эти импульсы и обозначаются термином «детерминация». Следует особо отметить, что в конкретной цивилизационной среде соотношение различных детерминаций может отличаться весьма существенно. Воздействие какой-то из них в определённой ситуации может стать преобладающим, импульсы, исходящие из одной сферы (например, экономики) могут отклоняться в результате действия политических или культурных факторов.

Подобный ход мысли соответствует выводам многих ученых и мыслителей, в том числе и представителей современной творческой марксистской традиции, преодолевших редукционистскую тенденцию. Приведу один из самых ярких, по моему мнению, примеров. Так, известный французский современный мыслитель, последователь Л. Альтюссера, Э. Балибар, отталкиваясь от классического марксистского тезиса о капиталистическом разделении труда как необходимой предпосылки функционирования социального организма, поставил вопрос о том, «не оказываются ли марксисты случайными жертвами гигантского заблуждения по поводу смысла их собственного анализа; заблуждения, по большей части унаследованного от либеральной экономической идеологии (и вытекающей из нее антропологии). *Капиталистическое* разделение труда не имеет никакого отношения к взаимодополнительности задач индивидов и социальных групп: прежде всего оно приводит... к поляризации общественных формаций, к их разделению на антагонистические классы, интересы которых становятся все менее и менее «общими». Как исходя из подобного разделения обосновать единство (даже если оно не исключает конфликты) какого-либо общества? Может быть, следует изменить нашу интерпретацию марксистского тезиса? Вместо того, чтобы представлять капиталистическое разделение труда основанием или институционализацией человеческого общества как относительно стабильного «коллектива», не следует ли считать разделение труда тем, что его *разрушает*? Точнее тем, что *разрушало бы*, придавая внутреннему неравенству в этом обществе форму непримиримого антагонизма, *если бы* другие социальные практики ..., несводимые к поведению «*homo economicus*», например, практики языкового общения, технические или познавательные практики не ставили пределы империализму производственных отношений и не преобразовывали его изнутри?

И тогда историю общественных формаций следует рассматривать не как историю перехода от нерыночных сообществ к рыночному обществу или обществу всеобщего обмена (включая обмен человеческой рабочей силой) — чего требует либеральное или социологическое представление, сохранившееся в марксизме, — но как историю *реакций*

комплекса «неэкономических» социальных отношений, объединяющих исторические сообщества индивидов, на угрозу разрушения их структуры под действием экспансии формы стоимости» [Балибар, Валлерстайн, 2004. С. 17]. Иными словами, как историю отклонения культурой, наряду с другими неэкономическими жизненными практиками, импульса, исходящего от экономической сферы.

Попробуем спроецировать мысль Э. Балибара на латиноамериканскую историю последних пяти с лишним столетий. Не следует ли считать само становление Латинской Америки как особого, отличного от всех прочих человеческих миров, коллективного субъекта всемирно-исторического процесса, то есть особой цивилизации, результатом борьбы за преодоление тех последствий глобального разделения труда, которые обрекали формирующуюся в бывших колониях иберийских монархий социокультурную макрообщность на роль пассивного придатка (не просто периферии!) мировых центров господства, лишённого собственной субъектности? Автор этих строк неоднократно высказывал мысль о том, что генезис латиноамериканской цивилизации одновременно с формированием мирового капиталистического рынка стал проявлением процесса, противоположного глобализации по своей онтологии, охарактеризованного О.Пасом как «мятеж исключений», усиленной акцентировки черт своеобразия конкретных человеческих общностей различного типа, уровня и масштаба (от мелких территориальных объединений до локальных цивилизаций) [Paz, 1986. Pp. 100–101]. Иными словами, само возникновение в южной части Западного полушария цивилизационной общности планетарного масштаба, качественно отличной от Запада (хотя и родственной ему), с этой точки зрения следует рассматривать как отклонение прямого импульса экономической детерминации, исходящего из центров мировой капиталистической системы. То есть импульсу экономической детерминации здесь противостояла детерминация культурная.

В этой связи можно вспомнить много работ и историков, и антропологов, и экономистов институционального направления. Особо отмечу книгу А.Грейфа о становлении институциональной системы средневековой Западной Европы, отмечавшего, что в то время на становление её институтов оказывало влияние не только культурное взаимодействие внутри различных входящих в нее регионов, но и православной Византии, и мусульманского мира как важной части Средиземноморья. И возникшие на этой основе институты должны были адаптироваться к принимающей культурной среде, корнями уходящей в прошлое. В результате «прошлое, заложенное в институциональных элементах, определяет направление развития институтов и ведёт к тому, что общества развиваются по разным институциональным траекториям» [Грейф, 2013. С. 43].

Изучение культурной детерминации различных сфер жизни общества — одна из главных тем исследований представителей, пожалуй, наиболее влиятельного (по крайней мере в интеллектуальной среде) в последние десятилетия направления зарубежной научной мысли, рассматривающей проблему модернизации: концепции «множественности модернов», получившей наиболее полное воплощение в трудах Ш.Эйзенштадта, его последователей и единомышленников [Eisenstadt, 2000a; Eisenstadt, 2000b. Pp. 1–30; Eisenstadt, 2001. Pp. 320–340; Eisenstadt, 2006. Pp. 37–62; Wagner, 2010; Schwinn, 2009. Pp. 454–476]. В основе этой концепции — тезис о том, что никакая подлинная модернизация в «незападном» мире невозможна, пока не найдена «формула синтеза» ее императивов и местной традиции той или иной культурно-исторической общности (о связанных с этим обстоятельством коллизиях (см. [Шемякин, 2015]).

Тема культурной детерминации активно разрабатывается и современной отечественной научной мыслью. Достаточно упомянуть в этой связи такие книги, как [Труды Института востоковедения РАН, 2017; Цивилизационные вызовы..., 2018; Азиатская Россия..., 2004; Россия в архитектуре глобального мира..., 2015; Осипов, 2016; Савельев, 2015; Мухамеджанова, 2015]. Общую идею всех этих произведений, думаю, очень хорошо

выразил М.Ю. Савельев, поставивший задачу поиска «аутентичных незападным культурам онтологических оснований», положенных в основу в том числе и экономической деятельности [Савельев, 2015. С. 15].

Савельев обосновывает вывод, что «основное средство построения моделей экономических систем находится в сфере представлений о нравственной природе человека, задающей ценностно-целевые установки и критерии как научным исследованиям, так и самой экономической деятельности» [Савельев, 2015. С. 18]. В связи с этим формулируется цель: разработка моделей экономических систем, соответствующих «основным культурным средам человечества», что предполагает, в свою очередь, исключение монополии «либерально-рыночной экономической модели» [Савельев, 2015. С. 9–10]. Особо следует упомянуть в этом контексте работы В.М. Давыдова, в которых мысль о множественности детерминаций, воздействующих на латиноамериканскую действительность, получила убедительное концептуальное обоснование [Давыдов, 1991; Давыдов, 2006; Davydov, 2016].

В качестве основной исследовательской «призмы», через которую рассматривалось институциональное измерение темы культурной детерминации, была избрана концепция Т. Парсонса. Как известно, согласно этой концепции, выделяются четыре подсистемы в единой системе общества, воспроизводимой каждым новым поколением. Каждая из этих подсистем выполняет одну из необходимых для нормального функционирования социального организма функций:

- адаптивная (практически речь идет о материальном производстве, экономике);
- целеполагания или целедостижения (политическая организация);
- интеграции (к этой подсистеме принадлежат принятые тем или иным обществом системы норм, механизмы, посредством которых преодолеваются внутренние конфликты, сообщества людей, которые обеспечивают соблюдение норм и функционирование данных механизмов);
- «поддержания образца» (pattern maintenance), или латентная подсистема, в рамках которой генерируются и поддерживаются главные ценности, придающие смысл самому существованию той или иной человеческой общности, определяются основные черты ее исторического облика, ее представление о самой себе, своем месте в мире, своих целях и задачах. Важнейшая функция этой подсистемы — создание и поддержание знаково-символической структуры, иными словами — определенным образом организованной совокупности знаков и символов, обеспечивающих коммуникацию между людьми [Parsons, 1937; Parsons, 1977; Парсонс, 1998; Парсонс, 2002].

Отечественный ученый Л.А. Седов внес в концепцию Парсонса существенные дополнения, творчески ее интерпретировав в духе кибернетических представлений. Согласно Седову, возможно доминирование одной из выделенных Парсонсом подсистем. В этом случае они «располагаются еще и иерархически, одна над другой, вышестоящие выполняют роль регулирующего механизма, содержат обобщенную программу действия; нижестоящие же обеспечивают энергетические ресурсы для осуществления действия» [Седов, 1987. С. 56]. Седов убедительно продемонстрировал методологический потенциал теории Парсонса, успешно применив ее как средство сравнительного изучения различных цивилизаций Востока и Запада.

Анализируя концепцию Парсонса-Седова, я пришел к двум важным выводам. Во-первых, наличие в рамках какой-либо общественной системы подсистем, отвечающих за главные, жизненно необходимые социальные функции, может служить достоверным доказательством того, что речь идет о системе цивилизационного уровня сложности. Во-вторых, схема Парсонса-Седова, при всей ее огромной значимости, все же является неполной, поэтому необходимо дальнейшее её развитие в контексте системного подхода [Шемякин, 2016b. С. 157–159].

Культурная детерминация и изменчивость современного мира

Дело в том, что к числу важнейших, жизненно необходимых для нормальной жизнедеятельности социального организма функций, помимо выделенных Парсонсом, принадлежит еще одна — функция обеспечения необходимых изменений, обусловленных императивами пребывания в постоянно меняющейся исторической ситуации социальной и природной среды. То есть речь идет об инновационной деятельности.

Пока в противоречивом системном единстве традиции и инновации преобладала традиция, а инновационная активность жёстко сдерживалась или вообще табуировалась, данная функция была, очевидно, включена в подсистему *pattern maintenance*: в любом случае невозможно было «поддерживать образец», вообще не внося в него некий минимум необходимых изменений, не посягающий на «основы». Ситуация коренным образом изменилась со сдвигом в системной связке «традиция–инновация», обусловленным сначала появлением в XVII в. новоевропейской науки, а впоследствии — промышленной и научно-технической революциями XVIII–XX вв. В результате инновационная сторона культуры стала преобладающей, и возникла необходимость в отделении от подсистемы «поддержания образца» автономной подсистемы, функцией которой стало продуцирование новаций.

«Инновационная активность впервые утвердилась как особая система не только обновления и новой интерпретации старых, но и создания новых смыслов... есть все основания утверждать, что в эпоху модернизации (первоначально в одном цивилизационном ареале — на Западе) сформировалась особая подсистема социального организма, которая может быть названа «подсистемой изменения образца» и которая находится в противоречивом, но неразрывном единстве с подсистемой *pattern maintenance*. В своем совокупном действии обе эти подсистемы образуют механизм выработки экзистенциальной ориентации общества и человека» [Шемякин, 2016b. С. 158]. Хотя первоначальной основой подсистемы «изменения образца» была новоевропейская наука, сфера новаторской активности ею не ограничивалась. В неевропейских цивилизациях особое значение приобрели, по-видимому, иные ее разновидности, появление которых было связано с особенностями генезиса данной подсистемы в «незападных» обществах, в том числе и в Латинской Америке [Там же. С. 158–159]. Важнейшим свидетельством этого стало превращение науки в неотъемлемую составляющую латиноамериканской культуры, значение которой, первоначально весьма незначительное, постепенно увеличивалось по мере становления латиноамериканской цивилизации как самостоятельного культурно-исторического субъекта в XIX–XX вв. [Шемякин, 2013a].

Тот механизм достижения и сохранения целостности социокультурной системы, который был описан выше, характеризует способ воздействия подсистем «поддержания образца» и «изменения образца» на все сферы жизни, и в первую очередь на остальные две подсистемы. Так, способность к повышенному уровню оперирования знаковыми структурами различного происхождения и характера и детерминированная ею повышенная проницаемость границ культурной системы (как внешних, так и внутренних) обуславливают способность к быстрой перемене социальных ролей и, соответственно, типов экономического, социального и политического поведения. Наиболее типичные, пожалуй, примеры: переход от роли мелкого (чаще всего уличного) предпринимателя или торговца к роли наёмного работника (чаще всего служащего офиса) и обратно. Причём такой переход происходит в течение краткого промежутка времени, иногда одного дня. Неслучайно этот феномен привлек в последние годы пристальное внимание исследователей, отмечающих самое широкое распространение на континенте так называемых «неформальных» экономик [Balslev, Velázquez García, 2019; Campos Vázquez, 2017; De Marchi Moyano, 2020. Pp. 107–117; Dilla Alfonso, 2020; Milán Valenzuela, 2019].

Учёные отмечают, что появление данного термина обусловлено тем, что связанные с ним виды экономического и социального поведения не вписываются в нормативы, предписываемые западной традицией для «нормальной» рыночной экономики. Но, хотя они и не соответствуют западным формам (поэтому и обозначаются как «неформальные»), эти разновидности социальной практики — весьма ощутимая реальность, оказывающая воздействие и на экономику, и на социальный организм в целом. Ряд авторов подчеркивает в этой связи, что учет потенциала «неформальных» экономик и его использование — необходимое условие для достижения целей устойчивого развития [Balslev, Clausen, Velázquez García, 2019a]. Для Латинской Америки выразительным примером подобной быстрой смены социальных ролей может служить переход представителей автохтонного населения от поведения, предписываемого нормами традиционной индейской общины, отстаивающей свое культурное наследие, в том числе и выбор видов экономической деятельности, не вписывающихся в логику функционирования капиталистической системы, к роли наёмного работника, задействованного в этой системе, либо к роли мелкого предпринимателя, действующего в рамках рыночной логики. Причём эти роли могут и достаточно успешно совмещаться (см., например: [Vega García, 2014]).

Одно из самых ярких проявлений культурной детерминации социальной и экономической сфер — выработка в рамках подсистемы *pattern maintenance* новых ценностных установок, ориентированных на преодоление однозначного следования логике формальной рациональности, воплощающей, по М.Веберу, «дух капитализма». Речь идет прежде всего о концепции «устойчивого развития», в разработку которой внесли значительный вклад латиноамериканские ученые. Прежде всего следует отметить выдвижение и обоснование экспертами ЭКЛА идеи «инклюзивного» развития [Informe de avance cuatrienal..., 2019], а также вклад мексиканских ученых. На мой взгляд, одно из наиболее чётких и ясных изложений концепции, которая в итоге была положена в основу комплексной трактовки устойчивого развития в ключевом документе 2015 г., содержится в работе мексиканской исследовательницы М.К. Вильеда Сантана. Формулируя свои выводы, она непосредственно опиралась на основополагающие документы ООН и, разумеется, на многочисленные работы коллег, посвящённые этой тематике. Отмечу основные положения ее исследования:

- концепт развития несводим к экономическому измерению (при безусловной значимости последнего); он охватывает все стороны и измерения человеческой жизни — экономические, политические, социальные, духовные;
- не человек для развития, а развитие для человека: недопустима трактовка, в соответствии с которой люди рассматриваются как средство для осуществления целей развития;
- люди должны быть активными субъектами процесса развития, принимать в нем непосредственное участие (принцип «инклюзивности»);
- такое участие возможно лишь при смягчении социального неравенства;
- чтобы достичь поставленных целей, процесс развития должен обрести качество устойчивости [Villeda Santana, 2011].

В центре внимания М.К. Вильеда Сантана лежит обоснование мысли о том, что право на трактуемое подобным образом развитие принадлежит к числу основных прав человека. Она особо подчеркивает, что реализовать это право возможно только, если соблюдаются все остальные права человека. Это становится одним из ключевых условий реализации программы устойчивого развития. Подобная постановка вопроса созвучна мысли Ф. Фукуямы о том, что чувство достоинства входит в круг духовных детерминант устойчивого развития [Fukuyama, 2019].

Институциональные проявления цивилизационной специфики латиноамериканского «пограничья»: община, популизм, новые социальные движения

Способность к повышенному уровню оперирования знаковыми структурами различного происхождения и характера и повышенная проницаемость внутренних и внешних границ культуры обуславливают формирование двух качеств — способности к быстрому восприятию иноцивилизационных новаций и к столь же быстрому приспособлению их к местной социокультурной «почве». На мой взгляд, наиболее ярко это проявилось в политической сфере, обусловив весьма своеобразное строение подсистемы целеполагания в Латинской Америке. После Войны за независимость для образованных здесь государств было характерно очень быстрое восприятие идей и ценностей представительной демократии западного образца. Однако почти сразу начались и попытки адаптировать их к условиям региона. Достаточно вспомнить в связи с этим такие явления, как: формирование разного рода авторитарных или полуавторитарных структур, опирающихся на соответствующую историческую традицию, но включающих отдельные элементы демократии (достаточно вспомнить в этой связи последний период деятельности С.Боливара); попытки обосновать совместимость принципов демократии с исключением из политического процесса основной массы населения с помощью имущественного и образовательного цензов и средств государственного насилия (в духе модели «элитарной демократии»); попытки выработать альтернативное этому понимание демократии («плебейское», по выражению некоторых исследователей [*Coronel, Cadahia, 2018. P. 78*]) последователями линии Боливара, отрицавшего возможность прямого переноса западных политических форм на почву континента [*Боливар, 1983. С. 81–82, 86*].

К настоящему времени можно выделить три основные социокультурные формы, посредством которых происходило (и происходит) приспособление политической и правовой структуры стран региона к специфике идентификационной структуры латиноамериканского «пограничья». Это — институт общины, популизм во всех его разновидностях и новые социальные движения, особенно возникшие в самое последнее время.

Институт общины — это инвариант истории континента, воплощающий связь времён от древности до современности [*Костокрызов, 2018*]. В этой связи хочу чётко обозначить свою позицию в одном принципиальном вопросе. По моему убеждению, было бы грубейшей ошибкой расценивать общину в духе сторонников традиционной западной версии модернизации как подлежащее обязательному преодолению препятствие на пути развития современного общества.

Думаю, что каждая из культур в одной из своих ипостасей представляет собой конкретную интерпретацию универсального измерения человеческой природы. Всё многообразие культур тяготеет к трем базовым интерпретациям этого измерения, к трем главным парадигмам универсального. Каждую из них отличает свой способ удовлетворения фундаментальной психофизиологической потребности человека в обретении смысла и, соответственно, решения ключевых экзистенциальных противоречий, качественно отличный от двух других: наследию архаики, традиции «первого осевого времени» (по К. Ясперсу) и традиции «второго осевого времени» (эпохи модернизации по Ш. Эйзенштадту и др.) [*Шемякин, 2017. С. 176–186*]. То есть архаика — это не тяжелый пережиток прошлых эпох, подлежащий обязательному преодолению, а одна из парадигм универсального измерения человеческой природы. Она присутствует в жизни *homo sapiens* с начала его истории по сей день, это инвариант истории мира людей и важнейший действующий фактор его современного бытия.

Формулируя подобное утверждение, я опираюсь на результаты исследований самых разных ученых как отечественных так и зарубежных, и, разумеется, на собственный иссле-

довательский опыт. По моему мнению, наиболее убедителен в понимании архаики именно как одной из главных парадигм универсального В.Н.Топоров, который выдвинул концепцию «универсальных знаковых комплексов» (УЗК), возникших на первых этапах истории и ставших инвариантной основой всей человеческой культуры. Это он убедительно показал в своих трудах [Топоров, 2010. С. 21, 45–46, 264, 266–267, 274–275].

Уральский ученый П.И. Костокрызов совершенно прав, говоря об универсальном характере общины как института [Костокрызов, 2018. С.5, 19]. Помимо прочего, в нем отражается и универсальная значимость архаики. Впрочем, (и это следует подчеркнуть особо) универсальный характер общины отнюдь не сводится к присутствующему в ней архаическому измерению. Материалы, приведенные Костокрызовым, позволяют, по моему мнению, сделать вывод, что латиноамериканская община является полем напряжённого воздействия всех трех упомянутых выше парадигм универсального, причем в разных типах общин их соотношение различно. Роль архаики в выделенных Костокрызовым четырёх разновидностях общин, разумеется, различна [Костокрызов, 2018. С. 24–25]. Наиболее значительна она в тех индейских общинах, которые сознательно отстаивают собственную идентичность, хотя и здесь есть разница между почти полным доминированием архаики в изолятах и теми индейскими (или метисными с индейской самоидентификацией) общностями, которые, упорно придерживаясь собственных традиций, тем не менее так или иначе поддерживают связь с современным обществом. Но в целом архаическая составляющая значима для всех общин.

Особенно ясно это видно на примере общинного правосудия, в той иерархии ценностей, которая определяет главные черты её исторического лица. Как подчеркивает Костокрызов, «в аксиологии общинного правосознания ценность права занимает достаточно высокое, но все же подчиненное по отношению к ценности бытия как такового, включая социальное бытие, место. Право служит сохранению этого бытия, его социальное предназначение — поддержание такого уровня отношений между членами общества, чтобы их сосуществование было минимально конфликтным и максимально комфортным» [Костокрызов, 2018. С. 205–206]. По-моему, здесь обнаруживается то, наиболее полно проявляющееся именно в архаическом сознании качество, которое позволяет воспринимать мир, бытие как целостность. Речь идет об определяющей характеристике «мифопоэтического» сознания, которая обуславливает его вневременное значение для культуры. Многие видные ученые, исследовавшие феномен архаики, хотя и придерживаются по другим вопросам разных позиций, едины в том, что архаика, говоря словами В.Н. Топорова, обеспечивает «целостный взгляд на мир, на всё окружающее человека и на него самого» [Топоров, 2010. С. 274–275].

Сам феномен общинного правосудия (общинной юстиции) — одна из наиболее ярких черт юридического строя латиноамериканских обществ — юридического плюрализма, или полиюридизма. Это «такое состояние правовой системы общества, когда на одной территории, не разделенной политически, сосуществуют два или более правовых порядка» [Костокрызов, 2018. С. 13], такое «положение вещей в любом социальном поле, при котором поведение соответствует более чем одному правопорядку» [Griffiths, 1986. P. 2]. В Латинской Америке мы видим, с одной стороны, связь с романо-германской правовой семьей, а с другой — наличие множества иных правовых порядков, восходящих как к доколумбовым обществам, так и возникших в колониальный и постколониальный период» [Костокрызов, 2018. С. 7].

Подобное многообразие правовых порядков есть яркое проявление общецивилизационного качества — доминанты многообразия в социокультурной системе. Община, в том числе общинная юстиция — это одновременно и одна из важнейших составляющих, проявлений начала многообразия, и его значимый гарант, препятствующий стремлению нивелировать латиноамериканскую действительность в соответствии с капиталистиче-

ским принципом «формальной рациональности». Вместе с тем, будучи одним из важнейших механизмов социальной интеграции, община выступает и как фактор поддержания целостности социальной «ткани» обществ региона, причём не только на местном, но и на общецивилизационном уровне.

Дело в том, что в Латинской Америке на протяжении всей ее истории государство как один из главных интеграторов цивилизации не обладало достаточной объединительной потенциальной способностью, было не способно сплотить воедино разнородные составляющие латиноамериканского «мира миров» (М. Гефтер). Ведь «правовая норма, пункт конституции, нравственный кодекс как убеждения, которые не влияют на поведение, не могут быть компонентами института... “Институт обеспечения юридических норм” — это не суд, а система правил, убеждений, норм и связанных с ними организаций, к которым наряду с другими относится и суд» [Грейф, 2013. С. 56]. «Государственноцентричная матрица» (т.е. попытка правящих элит поставить под контроль манипулируемых ими органов государственной власти все стороны жизни общества), господствовавшая на протяжении длительных периодов латиноамериканской истории [Cavarozzi, 1992. Pp. 665-684; *Латиноамериканская цивилизационная общность...*, 2007. С. 75–78]³, не изменила эту ситуацию. По-прежнему общины выступают как значимый фактор достижения и поддержания именно того типа целостности *sui generis*, которая необходима «пограничным» цивилизационным системам, — целостности, достигаемой в условиях доминанты многообразия, которая может проявить себя только в этих условиях.

Выше был сформулирован тезис о том, что латиноамериканская община как социальный институт представляет собой зону противоречивого взаимодействия трех парадигм универсального. В разных типах общин соотношение этих трех парадигм различно, но так или иначе взаимодействие между ними наличествует везде.

Однако этот вывод следует рассмотреть в более широком контексте. Результаты многолетних цивилизационных исследований привели меня к заключению, что в основе всех ныне существующих культур и цивилизаций (в том числе, разумеется, и латиноамериканской) лежит напряжённый диалог-спор трех обозначенных выше парадигм универсального. Их соотношение различно в разных цивилизациях и цивилизационных типах. В латиноамериканском контексте ключевое значение приобрёл, по-моему, характер взаимосвязи архаики и второй осевой (модернизационной) парадигмы [Шемякин, 2013b. С. 23–45]. В свете этих соображений закономерен вывод о том, что латиноамериканская община как институт изоморфна по своей структуре цивилизации в целом. По-видимому, именно в силу этого она оказалась в состоянии выполнять ту важнейшую интегративную функцию, о которой речь шла выше, и тем самым играть роль основного компенсатора низкой степени институционализированности латиноамериканской цивилизации, ставшей одним из её отличительных признаков [Шемякин, 2016b. С. 164–170].

Культура и создание новых институтов

Политическая культура стран региона с конца XIX в. по сей день отличается рядом постоянно воспроизводящихся характеристик. Неизменно прослеживается стремление значительной части интеллектуальной элиты внедрить на латиноамериканской социокультурной почве свойственные западной традиции формы политической, в том числе партийной организации (в рамках общей установки на усвоение западной модели представитель-

³ Отмечу, что анализ российских реалий с позиций господства в них государственно-центричной матрицы был проведен Т.Е. Ворожейкиной, что, в частности, говорит и о схожести принципов «пограничья» в Латинской Америке и в России [Ворожейкина, 2001].

ной демократии). Но столь же неизменно на каждой новой стадии политического развития наблюдается «прорастание» сквозь западные формы свойственных местной традиции способов организации политического пространства.

Это же сказывается и на организации пространства экономического. Наиболее известный в России пример описания такой организации и её эволюции — книга Э. де Сото. Причём он показал важность для успешного развития латиноамериканского общества неформальных институтов, а также учёта их опыта при корректировке институтов формальных⁴.

Анализ, данный де Сото системе экономических институтов Перу, способствовал не только экономическому развитию этой страны, но и лишил в ней интеллектуального лидерства господствовавшую там террористическую группировку Sendero Luminoso. Де Сото показал, что реальный прогрессивный класс в стране, заинтересованный в её развитии, — микро-, мелкие и средние предприниматели, которые хотя и желали бы жить в условиях верховенства права, самими условиями существования принуждены жить вне рамок законодательной системы. «Для них рыночная экономика и капитал вовсе не являются “буржуазными предрассудками” или “культурно чуждыми концепциями”; напротив, это цели для достижения которых они и их неформальные организации прикладывают столько усилий» [Сото, 2008. С. XX]. Де Сото и его сторонники, опираясь на свои эмпирические исследования, разработали конкретные рекомендации по изменению законодательства с тем, чтобы вывести большинство бедного населения из нелегального поля, создать для них правовые условия для развития. При этом подчёркивается: «Чтобы убедить бедных в развивающихся странах, необходимо представить картину возможного улучшения жизни через конкретные наглядные примеры из жизни в из собственной социальной среде» То есть важно, чтобы заимствования непротиворечиво уживались с имеющимися культурными традициями. При этом «ключ к победе находится в руках людей, которые исключены из правового поля нынешней системы» [Сото, 2008. С. XLVIII].

А система эта основана на принципах западной политической и правовой традиции. И один из самых ярких примеров «прорастания» сквозь западные формы местной специфики является популизм. Так, практически во всех политических объединениях, которые продемонстрировали способность мобилизовать значительную часть населения для достижения тех или иных целей, от аргентинского радикализма первых десятилетий XX в. до современной мексиканской MORENA (здесь названы самые яркие, пожалуй, примеры) обнаруживаются «родовые» особенности популизма. Это харизматический тип политического лидерства, основанный на приоритете прямой связи «лидер-масса», отсутствие чёткой организационной структуры, опосредующей эту связь, крайняя социальная разнородность, объединение самых различных, в том числе и разделённых острейшими противоречиями социальных классов и слоев.

Все сколько-нибудь влиятельные политические партии представляли и представляют собой, как правило, противоречивый симбиоз позаимствованных из западной традиции форм партийной организации и популистских тенденций. Разумеется, популистские черты проявляются в разной степени в разных партиях на разных этапах их эволюции. Первые два десятилетия XXI в. ознаменовались новой волной популизма, причём в самых разных разновидностях — левого, правого (неолиберального), экологического и др. Конечно, феномен популизма — отнюдь не только латиноамериканское явление, но именно в регионе к югу от Рио-Гранде-дель-Норте оно получило, пожалуй, наиболее полное разви-

⁴ Тут стоит вспомнить и слова Д. Норта о том, что «мы много знаем о государствах, но не знаем, как их чинить». При этом Норт напоминает и о том, какую роль в успехе США сыграли неформальные правила и ограничения в сочетании с формальными практиками [Норт, 2010. С. 104, 106].

тие. Не случайно в последние годы оно стало предметом пристального внимания и острой полемики (см., например, [Coronel, Cadahia, 2018. Pp. 72–82; Roth, Manke, 2018. Pp. 34–43]). Она связана прежде всего с ожесточёнными нападками сторонников неолиберального лагеря на якобы «безответственный популизм» режимов «левого поворота». Нарастает, впрочем, и встречная волна: начался новый этап критики попыток навязывания западных форм без учета местной специфики и связанного с этим переосмысления популистской политической практики и идеологии, выявления ряда черт популизма как органичных проявлений цивилизационной основы.

В этой связи следует отметить, что неизменное воспроизведение в политической практике и соответствующее обоснование в идеологии харизматического типа политического лидерства — прямое проявление действия той части механизма обеспечения целостности, в которой утверждается особая, существенно более значимая, чем в «классических» цивилизациях, роль индивидуального уровня развёртывания цивилизационного процесса и, соответственно, ключевое значение «пространства свободы» личности как первичной основы обеспечения целостности цивилизационной системы. Характерное для популизма соединение в рамках одного движения совершенно различных, а иногда и противоположных (вспомним аргентинский перонизм) социальных и политических сил непосредственно детерминировано другими составляющими упомянутого механизма — способностью социокультурного субъекта к повышенному уровню оперирования знаковыми структурами различного происхождения и характера и обусловленной этим повышенной (по сравнению с «классическими» цивилизациями Востока и Запада) степенью проницаемости внутренних границ в культуре. Они пролегают не только между отдельными людьми — представителями тех или иных традиций и социальных групп, но и внутри человеческих душ. Если это действительно так, то жизнеспособность популизма, его способность к постоянной регенерации в латиноамериканских условиях объясняется тем, что в нем проявляется действие охарактеризованного выше механизма обеспечения целостности социокультурной системы на всех уровнях.

Нужно особо отметить, что хотя популистскую технику воздействия на массы используют разные силы (достаточно вспомнить самый яркий в настоящее время пример правого популизма — феномен Ж.Болсонару в Бразилии), тем не менее, думаю, правы те, кто считают, что самым глубоким внутренним духовным импульсом, породившим популизм, явилось стремление вернуться к изначальному пониманию демократии как прямой власти народа. И это напрямую связано с критикой западного понимания демократии, прежде всего западной концепции представительства народной воли через посредников — политические институты, в первую очередь политические партии. В данном ракурсе в основе популизма лежит стремление свести к минимуму роль посредников между властью лидера и идущими за ним массами.

Тем не менее популизм отнюдь не отказывается от создания соответствующей ему институциональной структуры. Но понимание в нем роли институтов коренным образом отличается от классической либеральной концепции. В основе последней — идея о том, что функция социальных институтов заключается в преодолении конфликтов, создании базы для консенсуса конфликтующих сторон. Функция же популистских движений и соответствующих им структур не столько в нейтрализации конфликта, сколько в том, чтобы «выразить его и тем самым создать специфический механизм для его урегулирования» [Coronel, Cadahia, 2018. P. 80]. То есть речь идет об использовании энергии конфликта в созидательных целях. Таким образом, популизм выступает как способ управления конфликтами, адекватный реальности региона. Он рождается (и неизменно возрождается после провала неудачных популистских экспериментов) из стремления обрести целостность социума или восстановить ее после очередной вспышки противоречий, разрушающих общество.

Социальные движения в многообразии «пограничья»

В Латинской Америке доминанта многообразия особенно ярко проявила себя в формировании новых форм социальности, возникающих, как правило, как реакция на массовую маргинализацию в условиях неолиберальной глобализации в стихии повседневности, в ходе реализации самых разнообразных социальных практик. Речь идет о многочисленных альтернативных социальных движениях. Подобные движения появились и в других регионах, но именно в Латинской Америке они получили особенно бурное развитие. Это прямо обусловлено спецификой «пограничного» цивилизационного типа. Помимо порождённых «индейским ренессансом» разнообразных индейских организаций, здесь привлекают всё большее внимание экологические, феминистские, молодежные движения, христианские низовые общины, а также объединения людей на основе различного рода конкретных гражданских инициатив.

Чаще всего эти новые формы социальности возникают на базе использования опыта общинных типов самоорганизации. Доминанта многообразия проявляет себя также в чрезвычайном многообразии форм социального протеста. Хотя все эти движения очень различны, всех их объединяет ряд общих черт (пожалуй, наиболее обстоятельный анализ современных новых социальных движений см. в работе [Billión, Ventura, 2020. Pp. 37–52]).

Прежде всего следует отметить у сторонников новых социальных движений принципиальное неприятие самой основы западной концепции демократии — идеи о способности адекватного выражения воли народа теми его представителями, которым он делегирует власть. Подобный подход связан с резкой критикой существующей партийной системы. По мнению большинства представителей социальных движений, партийная форма политической организации неизбежно ведёт к её интеграции в существующую систему власти и тем самым — к искажению целей борьбы или полному от них отказу. Практически все эти движения ориентируются на создание автономных социальных пространств, в рамках которых достигается относительная независимость от господствующей системы господства, вырабатываются нормы поведения, не вписывающиеся в логику функционирования капиталистического рынка.

Предельно обобщая, можно выделить следующие общие принципы организации подобных пространств, разделяемые в той или иной мере всеми движениями рассматриваемого типа. Помимо уже упоминавшегося отказа от идей представительства и делегирования полномочий к ним относятся: самоорганизация, прямое участие, приоритет горизонтальных социальных связей (отрицание «вертикали власти»), сосредоточение на организации конкретных акций по решению конкретных проблем [Billión, Ventura, 2020. P. 52]. Социальные движения активно используют и такие особенности цивилизационного «пограничья», как особая, более значительная, чем в «классических» цивилизациях, роль пространства в рамках пространственно-временного континуума, а также — локального измерения жизни латиноамериканских обществ [Кофман, 1997. С. 25–79; Шемякин, 2020. С. 5–18].

Рассматриваемые движения развертываются, как правило, именно на локальном уровне социального бытия. Особое значение имеет тот, уже отмечавшийся факт, что они проявляют себя именно в сфере повседневности. Здесь стоит напомнить, что реальная идентификационная стратегия латиноамериканской цивилизации, метисация, формировалась первоначально главным образом как раз через повседневность, зачастую (особенно в XVI–XIX вв.) вопреки официальным идентификационным стратегиям [Шемякин, 2016а. С. 25–27]. И хотя новые социальные движения еще далеки от подобного уровня воздействия на латиноамериканскую социальность, их потенциал, бесспорно, очень велик. Пусть пока он далек от сколько-нибудь полной реализации, но характер действий этих движений вписывается в ту разновидность идентификационной стратегии, которая наиболее органична для Латинской Америки.

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть, возвращаясь к положениям, сформулированным в начале данной статьи, что, рассматривая тему культурного воздействия на все сферы жизни стран региона, необходимо помнить, что речь идет именно о детерминации, а не об однозначном воздействии. Поэтому важно учитывать, что импульсы, исходящие от подсистем *pattern maintenance* и изменения образца, могут отклоняться другими подсистемами, в первую очередь адаптивной и целеполагания. То есть культурные импульсы могут блокироваться экономическими и/или политическими факторами. Впрочем (и это надо подчеркнуть особо), о полной блокаде говорить не приходится: импульсы, исходящие от подсистем поддержания и изменения образца, никогда не прекращают своего воздействия на социум, хотя такое воздействие может перестать быть прямым и, соответственно, приобретать косвенный характер.

Дело в том, что определяющая структурная черта цивилизационного «пограничья» — доминанта многообразия — наложила свой отпечаток и на характер взаимодействия подсистем. В Латинской Америке у них не прослеживается чёткой иерархии. Импульсы, исходящие от разных подсистем (в особенности от подсистемы *pattern maintenance* и от адаптивной подсистемы), часто сталкиваются и противоречат друг другу, а вектор эволюции складывается как общая равнодействующая разных детерминаций.

ЛИТЕРАТУРА

- Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике XVI–XX века. (2004). — М.: Наука.
- Балибар Э., Валлерстайн И. (2004). Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. — М.: «Логос».
- Бёгельсдейк Ш., Маселанд Р. (2016). Культура в экономической науке: методологические рассуждения и области практического применения в современности. — М., СПб.: Издательство Института Гайдара.
- Боливар С. (1983). Избранные произведения. 1812–1830. — М.: Наука.
- Бор Н. (1959). Квантовая физика и философия // Успехи физических наук. Т. 67. Вып. 1. С. 37–42.
- Ворожейкина Т.Е. (2001). Государство и общество в России и Латинской Америке // Общественные науки и современность. № 6. С.5–26.
- Грейф А. (2013). Институты и путь к современной экономике. Уроки средневековой торговли. — М.: Издательский дом ВШЭ.
- Давыдов В.М. (1991). Латиноамериканская периферия мирового капитализма. — М.: Наука.
- Давыдов В.М. (2006). Цивилиография и цивилизационная идентификация Латино-Карибской Америки. — М.: ИЛА РАН.
- Земсков В.Б. (2014). О литературе и культуре Нового Света. — М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, Гнозис.
- Костогрызов П.И. (2018). Общинное правосудие в странах Латинской Америки. — М.: Юрлитинформ.
- Кофман А.Ф. (1997). Латиноамериканский художественный образ мира. — М.: Наследие.
- Латиноамериканская цивилизационная общность в глобализирующемся мире (2007). — М.: ИМЭМО РАН.
- Маркарян Э.С. (1969). Очерки теории культуры. — Ереван: АН Армянской ССР.
- Маркарян Э.С. (1983). Теория культуры и современная наука: логико-методологический анализ. — М.: Мысль.
- Мухамеджанова Н.М. (2015). Современные цивилизационные процессы. — Оренбург: ФГБОУ ВПО «ОГУ».
- Норт Д. (2010). Понимание процесса экономических изменений. — М.: Издательский дом ВШЭ.
- Осинов Ю.М. (2016). Этнонациональное сознание и хозяйственное поведение // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ. №4 (106). С. 39–42.
- Парсонс Т. (1998). Система современных обществ. — М.: Аспект Пресс.
- Парсонс Т. (2002). О социальных системах. — М.: Академический проект.
- Пригожин И., Стенгерс И. (1986). Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой. — М.: Прогресс.
- Россия в архитектуре глобального мира: Цивилизационное измерение (2015). — М.: Языки славянской культуры; Знак.
- Савельев М.Ю. (2015). Мультикультурный институционализм. Общая экономическая теория цивилизации. Политическая экономия традиционализма. Проект сетевого общества. — Ижевск: Ассоциация по методологии обеспечения деловой активности и общественного развития «Митра».
- Седов Л.А. (1987). К типологизации средневековых общественных систем Востока (попытка системного подхода) // Народы Азии и Африки. № 5. С. 56–62.
- Сото Э. де (2008). Иной путь. Экономический ответ терроризму. — Челябинск: Социум.

- Топоров В.Н. (2010). Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы. Т. 1. — М.: Рукописные памятники Древней Руси.
- Труды Института востоковедения РАН (2017). Вып. 3. Культура и политика: проблемы взаимосвязи. — М.: ИВ РАН.
- Цивилизационные вызовы во всемирно-исторической перспективе (2018). — М.: Аквилон.
- Шемякин Я.Г. (2001). Европа и Латинская Америка: взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории. — М.: Наука.
- Шемякин Я.Г. (2007). Вера и рацио в духовном космосе латиноамериканской цивилизации // Латинская Америка. №3. С. 72–92.
- Шемякин Я.Г. (2013а). Наука // Энциклопедия «Латинская Америка». — М.: Экономика. С. 316–330.
- Шемякин Я.Г. (2013б). Феномен «пограничности»: социокультурное содержание и исторические типы // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. — М.: ИВИ РАН. С. 23–45.
- Шемякин Я.Г. (2015). Модернизация как процесс межцивилизационного взаимодействия // Цивилизации. Вып.10. Модернизация и цивилизационные вызовы XXI века. — М.: Наука. С. 107–146.
- Шемякин Я.Г. (2016а). Идентичность и тип цивилизации: особенности соотношения (Россия — Латинская Америка — Запад) // «Миры миров»: В поисках идентичности. Россия и Латинская Америка в сравнительно-исторической перспективе. — М.: Фонд исторической перспективы. С. 3–43.
- Шемякин Я.Г. (2016б). Россия и Латинская Америка как цивилизации: попытка сравнения. Размышления над книгами В.Б. Земскова // Мир России. № 1. С. 157–159.
- Шемякин Я.Г. (2017). Глобальное, универсальное, локальное: соотношение понятий и соотношение реальностей // Цивилизации. Вып. 11. — М.: Наука. С. 171–214.
- Шемякин Я.Г. (2018). Конфликт интересов и конфликт ценностей. Миграционная проблематика в контексте проблемы цивилизационной идентичности // Цивилизационные вызовы во всемирно-исторической перспективе. — М.: Аквилон. С. 348–402.
- Шемякин Я.Г. (2019а). Идентичность как способ бытия культуры. Латиноамериканский опыт // Ибероамерика: культурная идентичность в эпоху глобализации. — М.: ИЛА РАН. С. 34–66.
- Шемякин Я.Г. (2019б). Общинная юстиция как проявление цивилизационной идентичности Латинской Америки // Латинская Америка. № 2. С. 94–106.
- Шемякин Я.Г. (2020). К вопросу о роли пространства в цивилизационной системе: опыт «пограничных» цивилизаций планетарного масштаба в универсальном контексте // Новая и новейшая история. № 3. С. 7–20.
- Balslev C., Velázquez García M.A. (2019). Introduction: Sustainable Development Goals and Informal Economies in Latin America. The Bargaining Power of Informal Economies in a Sustainable Context // Diálogos Latinoamericanos. No. 28. Dossier: Sustainable Development Goals and Informal Economies. Pp. 53–56.
- Balslev Clausen H., Velázquez García M.A. (2019). Re-writing the Sustainable Development Goals from Marketplaces in Argentina, Chile, Colombia and México // Diálogos Latinoamericanos. No. 28. Pp. 77–88.
- Billión D., Ventura Ch. (2020). ¿Por que protesta tanta gente a la vez? // Nueva Sociedad/ No. 286. Pp. 37–52.
- Campos Vázquez R.M. (2017). Economía y psicología. Apuntes sobre economía conductual para entender problemas económicos actuales. — México: Fondo de Cultura Económica.
- Cavarozzi M. (1992). Beyond Transitions to Democracy in Latin America // Journal of Latin American Studies. No. 3. Pp. 665–684.
- Coronel V., Cadahia L. (2018). Populismo republicano: más allá de “Estado versus pueblo” // Nueva Sociedad. No. 273. Pp. 72–82.
- Davydov Vladimír M. (2016). Latinoamérica: rutas del desarrollo y lazos con Rusia. Percepción desde Moscú. ILA ACR.
- De Marchi Moyano B. (2020). Fronteras bolivianas: entre el corredor y el laberinto // Nueva Sociedad. No. 289. Pp. 107–117.
- Dilla Alfonso H. (2020). Las fronteras, los muros y sus agujeros // Nueva Sociedad. No. 289. Pp. 37–69.
- Eisenstadt S.N. (2000a). Die Vielfalt der Moderne. — Weilerswist: Velbruck.
- Eisenstadt S.N. (2000b). Multiple Modernities // Daedalus. Cambridge (MA). Vol. 129. No. 1. Pp. 1–30.
- Eisenstadt S.N. (2001). The Civilizational Dimension of Modernity // International Sociology. Vol. 16. No.3. Pp. 320–340.
- Eisenstadt S.N. (2006). Multiple Moderne im Zeitalter der Globalisierung // Die Vielfalt und Einheit der Moderne: Kultur und strukturvergleichende Analysen. — Wiesbaden: Westdeutscher Verlag. Pp. 37–62.
- Fukuyama F. (2019). Identidad. La demanda de dignidad y las políticas de resentimiento. — Barcelona. Ediciones Deusto.
- Griffiths J. (1986). What Is Legal Pluralism? // Journal of Legal Pluralism. No. 24. P. 2.
- Informe de avance cuatrienal sobre el progreso y desafíos regionales de la Agenda 2030 para el desarrollo sostenible en América Latina y el Caribe (2019). Alicia Bárcena. Secretaría Ejecutiva de la CEPAL. Santiago de Chile. 24–26 de abril de 2019.
- Milán Valenzuela H. (2019). Informalidad y heterogeneidad social // Diálogos Latinoamericanos. No. 28. Pp. 57–74.
- Parsons T. (1937). The Structure of Social Action. — New York: Free Press.
- Parsons T. (1971). The System of Modern Societies. — New Jersey: Englewood Cliffs.

- Parsons T. (1977). *The Evolution of Societies*. — New Jersey: Englewood Cliffs.
- Paz O. (1986). *One Earth, Four or Five Worlds*. — San Diego. New York. London: A. Harvest. HBJ Book. Pp. 100–101.
- Roth J., Manke A. (2018). ¿Qué crisis y qué respuesta? Repensar las crisis en su contexto sociohistórico // *Nueva Sociedad*. No. 273. Pp. 34–43.
- Schwinn T. (2009). Multiple Modernities: Konkurrierende Thesen und offene Fragen. Ein Literaturbericht in konstruktiver Absicht // *Zeitschrift für Soziologie*. Stuttgart. G. 38. H. 6. Pp. 454–476.
- Vega García H. (2014). Identidad cultural y patrimonio ambiental: resistencia, reivindicación, apropiación e innovación de las mujeres en la Reserva de la Biosfera Maya // *Revista Latinoamericana de Derechos Humanos*. Vol. 25(2). Pp. 45–78.
- Villeda Santana M.C. (2011). Derechos humanos y desarrollo humano en México // *Revista Latinoamericana de Derechos Humanos*. Vol. 22 (2). Pp. 185–208.
- Wagner P. (2010). *Multiple Trajectories of Modernity: Why Social Theory Needs Historical Sociology* // *Thesis Eleven*. London. Vol. 100. No. 1. Pp. 53–60.

Шемякин Яков Георгиевич

shemyakinx3@gmail.com

Yakov Shemyakin

Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher of the Institute of Latin America of the Russian Academy of Sciences, (Moscow).

shemyakinx3@gmail.com

THE PROBLEM OF CULTURAL DETERMINATION OF VARIOUS SPHERES OF SOCIAL LIFE: LATIN AMERICAN EXPERIENCE IN A UNIVERSAL CONTEXT (INSTITUTIONAL DIMENSION)

Abstract. The work is devoted to the study of the institutional dimension of the problem of cultural determination of various areas of social life. The author focuses on the Latin American experience of solving this problem, considered in a universal context. Ya.G. Shemyakin reveals the content of the concept of “determination” in the context of the process of changing general scientific paradigms, which determined the dynamics of the evolution of world science in the last decades of the 20th — early 21st centuries. The assertion of the principles of a new, “Prigozhin’s” paradigm in the humanities and social sciences meant the recognition of the fact that the behavior of a sociocultural subject is influenced not by a single factor that ultimately determines the nature of social reality, but by a multitude of impulses emanating from various areas of life of society. Such a position implied a fundamental rejection of any kind of reductionism and the recognition that the impulses generated by the logic of the deployment of the economy, politics, law, and spiritual life are correlated according to the sphere principle, none of them is unambiguously determining, they mutually determine each other. It is these impulses that are designated by the term “determination”.

Cultural determination is considered as a factor in achieving and maintaining the integrity of the “border” civilizational system of Latin America in the context of the dominant diversity. Integrity (at all levels, including the national one) is achieved as a result of the action of a special mechanism, which is based on the ability of the subject of sociocultural interaction to an increased (compared to “classical” civilizations) level of operating with sign structures of various origins and nature, which, in turn, determines , increased permeability of the internal and external boundaries of culture, as well as the determining importance of the individual level of deployment of the civilizational process, primarily the “space of freedom” of the individual

The institutional dimension of the phenomenon of cultural determination is considered systematically, through the prism of the Parsons-Sedov concept, according to which four subsystems are distinguished in a single system of society, each of which performs one of the functions necessary for the normal functioning of a social organism: adaptive (material production, economy); goal setting or goal achievement (political organization); integration; “pattern maintenance” or a latent subsystem within which the main values are generated and maintained, which give meaning to the existence of a particular human community, determine the main features of its historical appearance. Ya.G. Shemyakin supplemented this scheme by formulating the concept of the fifth subsystem responsible for the introduction of innovations, which he called “the sample change subsystem”.

Keywords: *culture, determination, integrity, institutional dimension, “frontier” civilization.*

JEL: A12, A13, B15, B52.

REFERENCES

- Aziatskaya Rossiya v geopoliticheskoi i tsivilizatsionnoi dinamike XVI-XX veka.* (2004). [Asian Russia in the geopolitical and civilizational dynamics of the 16–20th centuries]. — M.: Nauka. (In Russ.).
- Balibar E., Vallerstain I.* (2004). *Rasa, natsiya, klass. Dvumyslennye identichnosti* [Race, nation, class. Ambiguous identities]. — M.: «Logos». (In Russ.).
- Balslev C., Velázquez García M.A.* (2019). Introduction: Sustainable Development Goals and Informal Economies in Latin America. The Bargaining Power of Informal Economies in a Sustainable Context // *Dialogos Latinoamericanos*. No.28. Dossier: Sustainable Development Goals and Informal Economies. Pp. 53–56.
- Balslev Clausen H., Velázquez García M.A.* (2019). Re-writing the Sustainable Development Goals from Marketplaces in Argentina, Chile, Colombia and México // *Dialogos Latinoamericanos*. No. 28. Pp. 77–88.
- Beugelsdejk S., Maseland R.* (2016). *Kul'tura v ekonomicheskoy nauke: metodologicheskkiye rassuzhdeniya i oblasti prakticheskogo primeneniya v sovremennosti* [Culture in Economics: History, Methodological Reflections, and Contemporary Applications]. — M., SPb.: Izdatel'stvo Instituta Gaydara.
- Billión D., Ventura Ch.* (2020). ¿Por que protesta tanta gente a la vez? // *Nueva Sociedad*, No. 286. Pp. 37–52.
- Bolívar S.* (1983). *Izbrannyye proizvedeniya. 1812–1830.* [Selected Works. 1812–1830]. — M.: Nauka. (In Russ.).
- Bor N.* (1959). *Kvantovaya fizika i filosofiya.* [Quantum physics and philosophy.] // *Uspekhi fizicheskikh nauk.* T. 67. Vyp. 1. С. 37–42. (In Russ.).
- Campos Vázquez R.M.* (2017). *Economía y psicología. Apuntes sobre economía conductual para entender problemas económicos actuales.* — México: Fondo de Cultura Económica.
- Cavarozzi M.* (1992). Beyond Transitions to Democracy in Latin America // *Journal of Latin American Studies*. No. 3. Pp. 665–684.
- Coronel V., Cadahia L.* (2018). Populismo republicano: más allá de “Estado versus pueblo” // *Nueva Sociedad*. No. 273. Pp. 72–82;
- Davydov V.M.* (1991). *Latinoamerikanskaya periferiya mirovogo kapitalizma* [Latin American periphery of world capitalism]. — M.: Nauka. (In Russ.).
- Davydov V.M.* (2006). *Tsviliografiya i tsivilizatsionnaya identifikatsiya Latino-Karibskoi Ameriki* [Civiliography and civilizational identification of Latin-Caribbean America]. — M.: ILA RAN. (In Russ.).
- Davydov Vladimír M.* (2016). *Latinoamérica: rutas del desarrollo y lazos con Rusia. Percepción desde Moscú.* — M.: ILA ACR.
- De Marchi Moyano B.* (2020). Fronteras bolivianas: entre el corredor y el laberinto // *Nueva Sociedad*. No. 289. Pp. 107–117.
- Dilla Alfonso H.* (2020). Las fronteras, los muros y sus agujeros // *Nueva Sociedad*. No. 289. Pp. 37–69.
- Eisenstadt S.N.* (2000a). *Die Vielfalt der Moderne.* — Weilerswist: Velbruck.
- Eisenstadt S.N.* (2000b). Multiple Modernities // *Daedalus*. Cambridge (MA). Vol. 129. No. 1. Pp. 1–30.
- Eisenstadt S.N.* (2001). The Civilizational Dimension of Modernity // *International Sociology*. London etc. Vol. 16. No. 3. Pp. 320–340.
- Eisenstadt S.N.* (2006). Multiple Moderne im Zeitalter der Globalisierung // *Die Vielfalt und Einheit der Moderne: Kultur und strukturvergleichende Analysen.* — Wiesbaden: Westdeutscher Verlag. Pp. 37–62.
- Fukuyama F.* (2019). *Identidad. La demanda de dignidad y las políticas de resentimiento.* — Barcelona. Ediciones Deusto.
- Greif A.* (2013) *Instituty i put' k sovremennoy ekonomike. Uroki srednevekovoy torgovli* [Institutions and the Path to the Modern Economy. Lessons from Medieval Trade]. — M.: Izdatel'skiy dom HSE. (In Russ.).
- Griffiths J.* (1986). What Is Legal Pluralism? // *Journal of Legal Pluralism*. No. 24. P. 2.
- Informe de avance cuatrienal sobre el progreso y desafíos regionales de la Agenda 2030 para el desarrollo sostenible en América Latina y el Caribe.* (2019). Alicia Bárcena. Secretaría Ejecutiva de la CEPAL. Santiago de Chile. 24–26 de abril de 2019.
- Kofman A.F.* (1997). *Latinoamerikanskii khudozhestvennyi obraz mira.* [Latin American artistic image of the world]. — M.: Nasledie. (In Russ.).
- Kostogryzov P.I.* (2018). *Obshchinnoe pravosudie v stranakh Latinskoi Ameriki.* [Community Justice in Latin America]. — M.: Yurlitinform. (In Russ.).
- Latinoamerikanskaya tsivilizatsionnaya obshchnost' v globaliziruyushchemsya mire.* (2007). [Latin American civilizational community in a globalizing world]. — M.: IMEMO RAN. (In Russ.).
- Markaryan E.S.* (1969). *Ocherki teorii kul'tury.* [Essays on the theory of culture]. — Erevan: AN Armyanskoy SSR (In Russ.).
- Markaryan E.S.* (1983). *Teoriya kul'tury i sovremennaya nauka: logiko-metodologicheskii analiz* [Theory of culture and modern science: logical and methodological analysis]. — M.: Mysl' (In Russ.).
- Milán Valenzuela H.* (2019). Informalidad y heterogeneidad social // *Diálogos Latinoamericanos*. No.28. Pp. 57–74.
- Mukhamedzhanova N.M.* (2015). *Sovremennyye tsivilizatsionnye protsessy* [Modern civilizational processes]. — Orenburg: FGBOU VPO «OGU». (In Russ.).

- North D. (2010). *Ponimaniye protsessa ekonomicheskikh izmeneniy* [Understanding the process of economic change]. — М.: Izdatel'skiy dom HSE. (In Russ.).
- Osipov Yu.M. (2016). Etnonatsional'noe soznanie i khozyaistvennoe povedenie. [Ethno-national consciousness and economic behavior] // *Filosofiya khozyaistva. Al'manakh Tsentra obshchestvennykh nauk i ekonomicheskogo fakul'teta MGU*. No. 4 (106). Pp. 39–42. (In Russ.).
- Parsons T. (1937). *The Structure of Social Action*. — New York: Free Press.
- Parsons T. (1971). *The System of Modern Societies*. — New Jersey: Englewood Cliffs.
- Parsons T. (1977). *The Evolution of Societies*. — New Jersey: Englewood Cliffs.
- Parsons T. (1998). *Sistema sovremennykh obshchestv*. [The system of modern societies]. — М.: Aspekt Press. (In Russ.).
- Parsons T. (2002). *O sotsial'nykh sistemakh*. [On social systems]. — М.: Akademicheskii proekt. (In Russ.).
- Paz.O. (1986). *One Earth, Four or Five Worlds*. — San Diego. New York. London. A. Harvest. HBJ Book. Pp. 100–101.
- Prigozhin I., Stengers I. (1986). *Poryadok iz khaosa: novyi dialog cheloveka s prirodoy*. [Order out of chaos: a new dialogue between man and nature]. — М.: Progress. (In Russ.).
- Rossiya v arkhitekture global'nogo mira: Tsvivilizatsionnoe izmerenie. (2015). [Russia in the Architecture of the Global World: A Civilization Dimension]. — М.: Yazyki slavyanskoi kul'tury; Znak. (In Russ.).
- Roth J., Manke A. (2018). ¿Qué crisis y qué respuesta? Repensar las crisis en su contexto sociohistórico// *Nueva Sociedad*. No. 273. Pp. 34–43.
- Savelev M.Yu. (2015). *Mul'tikul'turnyi institutsionalizm. Obshchaya ekonomicheskaya teoriya tsvivilizatsii. Politicheskaya ekonomiya traditsionalizma. Proekt setevogo obshchestvo* [Multicultural institutionalism. General economic theory of civilization. The political economy of traditionalism. Network society project]. — Izhevsk: Assotsiatsiya po metodologii obespecheniya delovoi aktivnosti i obshchestvennogo razvitiya «Mitra». (In Russ.).
- Schwinn T. (2009). Multiple Modernities: Konkurrirende Thesen und offene Fragen. Ein Literaturbericht in konstruktiver Absicht // *Zeitschrift für Soziologie*. Stuttgart. G. 38. H. 6. Pp. 454–476.
- Sedov L.A. (1987). K tipologizatsii srednevekovykh obshchestvennykh sistem Vostoka (popytka sistemnogo podkhoda) [On the typology of the medieval social systems of the East (an attempt at a systematic approach)] // *Narody Azii i Afriki*. No. 5. Pp. 56–62. (In Russ.).
- Shemyakin Ya.G. (2001). *Evropa i Latinskaya Amerika: vzaimodeistvie tsvivilizatsii v kontekste vseмирnoi istorii*. [Europe and Latin America: the interaction of civilizations in the context of world history]. — М.: Nauka. (In Russ.).
- Shemyakin Ya.G. (2007). Vera i ratsio v dukhovnom kosmose latinoamerikanskoi tsvivilizatsii. [Faith and rationality in the spiritual space of Latin American civilization] // *Latinskaya Amerika*. No. 3. Pp. 72–92. (In Russ.).
- Shemyakin Ya.G. (2013a). *Nauka [Science]// Entsiklopediya «Latinskaya Amerika»*. — М.: Ekonomika. Pp. 316–330. (In Russ.).
- Shemyakin Ya.G. (2013b). Fenomen «pogranichnosti»: sotsiokul'turnoe sodержanie i istoricheskie tipy [The phenomenon of “borderline”: socio-cultural content and historical type] // *Dialog so vremenem. Al'manakh intellektual'noi istorii*. — М.: IVI RAN. Pp. 23–45. (In Russ.).
- Shemyakin Ya.G. (2015). Modernizatsiya kak protsess mezhtsvivilizatsionnogo vzaimodeistviya [Modernization as a process of intercivilizational interaction] // *Tsvivilizatsii. Vyp.10. Modernizatsiya i tsvivilizatsionnye vyzovy XXI veka*. — М.: Nauka. Pp. 107–146. (In Russ.).
- Shemyakin Ya.G. (2016a). Identichnost' i tip tsvivilizatsii: osobennosti sootnosheniya (Rossiya — Latinskaya Amerika — Zapad) [Identity and Type of Civilization: Peculiarities of Correlation (Russia — Latin America — West)] // «Miry mirov»: *V poiskakh identichnosti. Rossiya i Latinskaya Amerika v sravnitel'no-istoricheskoi perspective*. — М.: Fond istoricheskoi perspektivy. Pp. 3–43. (In Russ.).
- Shemyakin Ya.G. (2016b). Rossiya i Latinskaya Amerika kak tsvivilizatsii: popytka sravneniya. Razmyshleniya nad knigami V.B. Zemskova [Russia and Latin America as civilizations: an attempt at comparison. Reflections on the books of V.B. Zemskov] // *Mir Rossii*. No.1. Pp. 157–159. (In Russ.).
- Shemyakin Ya.G. (2017). Global'noe, universal'noe, lokal'noe: sootnoshenie ponyatii i sootnoshenie real'nosti [Global, universal, local: correlation of concepts and correlation of realities] // *Tsvivilizatsii. Vyp. 11*. — М.: Nauka. Pp. 171–214. (In Russ.).
- Shemyakin Ya.G. (2018). Konflikt interesov i konflikt tsennostei. Migratsionnaya problematika v kontekste problemy tsvivilizatsionnoi identichnosti. [Conflict of interest and conflict of values. Migration issues in the context of the problem of civilizational identity] // *Tsvivilizatsionnye vyzovy vo vseмирno-istoricheskoi perspective*. — М.: Akvilon. Pp. 348–402. (In Russ.).
- Shemyakin Ya.G. (2019a). Identichnost' kak sposob bytiya kul'tury. Latinoamerikanskii opyt [Identity as a way of culture's being. Latin American experience] // *Iberoamerika: kul'turnaya identichnost' v epokhu globalizatsii*. — М.: ILA RAN. Pp. 34–66. (In Russ.).
- Shemyakin Ya.G. (2019b). Obshchinnaya yustitsiya kak proyavlenie tsvivilizatsionnoi identichnosti Latinskoi Ameriki [Community justice as a manifestation of the civilizational identity of Latin America] // *Latinskaya Amerika*. No.2. Pp. 94–106. (In Russ.).
- Shemyakin Ya.G. (2020). K voprosu o roli prostranstva v tsvivilizatsionnoi sisteme: opyt «pogranichnykh» tsvivilizatsii planetarnogo masshtaba v universal'nom kontekste [On the issue of the role of space in the civilizational

- system: the experience of “border” civilizations on a planetary scale in a universal context]//*Novaya i noveishaya istoriya*. No. 3. (In Russ.).
- Soto E. de (2008). *Inoy put'. Ekonomicheskiy otvet terrorizmu* [Other way. Economic response to terrorism]. — Chelyabinsk: Sotsium. (In Russ.).
- Toporov V.N. (2010). *Mirovoe derevo: Universal'nye znakovye komplekсы*. T.1 [World Tree: Universal sign complexes. V. 1]. — M.: Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi. (In Russ.).
- Trudy Instituta vostokovedeniya RAN*. (2017). [Works of the Institute of Oriental Studies RAS] Vyp. 3. Kul'tura i politika: problemy vzaimosvyazi. — M.: IV RAN. (In Russ.).
- Tsivilizatsionnye vyzovy vo vseмирno-istoricheskoi perspektive*. (2018). [Civilizational challenges in the world-historical perspective]. — M.: Akvilon. (In Russ.).
- Vega García H. (2014). Identidad cultural y patrimonio ambiental: resistencia, reivindicación, apropiación e innovación de las mujeres en la Reserva de la Biosfera Maya // *Revista Latinoamericana de Derechos Humanos*. Vol. 25 (2). Pp. 45–78.
- Villeda Santana M. C. (2011). Derechos humanos y desarrollo humano en México// *Revista Latinoamericana de Derechos Humanos*. Vol. 22 (2). Pp. 185–208.
- Vorozheykina T.Ye. (2001) Gosudarstvo i obshchestvo v Rossii i Latinskoy Amerike [State and Society in Russia and Latin America] // *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*. No. 6. Pp. 5–26. (In Russ.).
- Wagner P. (2010). *Multiple Trajectories of Modernity: Why Social Theory Needs Historical Sociology* // Thesis Eleven. London. Vol. 100. No. 1. Pp. 53–60.
- Zemskov V.B. (2014). *O literature i kul'ture Novogo Sveta*. [On the literature and culture of the New World]. — M.: SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ Gnozis. (In Russ.).